

Соціалізмъ и собственность

Соціалізмъ, въ широкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точномъ смыслѣ этого слова, есть система планомѣрной организациі хозяйства, ставящая себѣ задачей устраненіе власти человѣка надъ человѣкомъ, поскольку она вытекаетъ изъ отношеній собственности. Соціалізмъ борется въ принципѣ не противъ частной и даже индивидуальной собственности, а исключительно противъ противоестественнаго превращенія власти человѣка надъ вещью во власть надъ другимъ человѣкомъ. То или другое рѣшеніе вопроса о структурѣ собственности и ея субъектахъ имѣетъ поэтому для соціализма значеніе исключительно, какъ средство къ цѣли. Если будетъ признано, что провозглашеніе государства монопольнымъ собственникомъ на орудія производства только усиливаетъ извращеніе власти надъ вещами во власть надъ людьми и если окажется, что устраненіе этой власти возможно только путемъ противопоставленія соборной собственности организованнаго въ самостоятельное единство экономического общества безусловно-принудительной власти государства, то вся проблема собственности предстанетъ съ точки зрѣнія соціализма въ новомъ свѣтѣ.

Вокругъ вопроса объ отношеніи между соціализмомъ и правомъ собственности накопилось множество недоразумѣній, которыя усердно эксплуатируются врагами соціализма. Отчасти въ этихъ недоразумѣніяхъ повиненъ самъ соціалізмъ, главнымъ образомъ, поскольку онъ не обращалъ достаточнаго вниманія на разработку положительныхъ конструктивныхъ проблемъ и оставлялъ въ неясности самую сущность соціализаціи. Не менѣе въ этихъ недоразумѣніяхъ виновна современная юридическая наука, чрезвычайно мало поработавшая надъ анализомъ очень запутанной и сложной проблемы собственности и обычно удовлетворяющаяся воспроизведеніемъ старинной и отжившей издавна свой вѣкъ индивидуалистической концепціи римскаго права. Новѣйшее стремленіе поставить

соціалізмъ на правовую базу и освободиться отъ его коллективистически - централистскихъ извращеній не могло не привести къ пересмотру вопроса объ «огосударствленіи собственности на орудія производства», которое проповѣдовалось преимущественно марксистскимъ соціалізмомъ. Еще задолго до міровой войны, съ ея неудачной *Kriegswirtschaft* и до опыта русскаго коммунизма, рядъ виднѣйшихъ вождей реформизма во главѣ съ Жоресомъ, Вандервельде и Бернштейномъ предлагали оставить въ рукахъ соціалистическаго государства только верховное право собственности, фактическое же его осуществленіе, т. е. право владѣнія и пользованія орудіями производства, передать въ руки синдикатовъ производителей. Въ новѣйшей теоріи англійскаго гильдейскаго соціализма и въ послѣвоенныхъ проектахъ С. Г. Т. выдвигается идея непосредственной совмѣстной собственности государства, профессиональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Русскій сторонникъ гильдеизма С. І. Гессенъ въ рядѣ своихъ интересныхъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Соврем. Зап.», особенно настаивая на видоизмѣненіи самой внутренней сущности института собственности при соціализаціи, путь къ этому измѣненію усматриваетъ въ установленіи новаго вида «ленной собственности», подчиненными держателями которой являются всевозможныя общественныя организаціи (въ томъ числѣ и государство) и отдѣльные индивиды, а абсолютнымъ собственникомъ — неорганизованное національное общеніе, не представимое сполна ни въ какой организаціи.

Какъ бы ни оцѣнивать всѣ эти новыя попытки, которыя по существу гораздо ближе, чѣмъ это обычно думаютъ, къ исконному замыслу соціализма, исходившему изъ противопоставленія государства и общества 1) (С. Симонъ, Фурье, Прудонъ) и мыслившаго организацію

1) Интересно отмѣтить, что тотъ самый Л. Ф. Штейнъ, ученіе котораго о противопоставленіи «государства и общества» въ настоящее время С. Л. Франкъ противопоставляетъ соціализму (см. его статью въ «Евраз. Врем.», кн. V, Соціализмъ и Собственность), самъ признавалъ себя въ этомъ вопросѣ ученикомъ французскихъ соціалистовъ, см. его *Der Sozialismus und Kommunismus am heutigen Frankreich* 1 изд. 1842 и R. v. Mohl, *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften* 1855, I т., 78 - 80, 264, который подчеркиваетъ, что Гегель только извратилъ это ученіе (ib. стр. 182), а что Штейнъ подъ влияніемъ соціализма снова его возстановилъ.

хозяйства въ видѣ независимой отъ государства самоорганизации общества, ясно одно: утверждать передъ ихъ лицомъ, какъ это дѣлаетъ С. Л. Франкъ, что «соціализмъ отрицаетъ собственность, поскольку она выражаетъ принципъ разграниченія и слѣдовательно ограниченія правомѣрныхъ притязаній — во имя безграничной собственности, неограниченнаго права всѣхъ на все» (см. Евраз. Врем. кн. V, стр. 266 - 267) — значить чрезмѣрно облегчать себѣ задачу критики. Совершенно очевидно, что всякое обобществленіе орудій производства, которое не сводится къ простому провозглашенію государства «единымъ собственникомъ, производителемъ и распредѣлителемъ» (Гедъ), предполагаетъ чрезвычайно сложную систему «взаимныхъ разграниченій и ограниченій правовыхъ притязаній», касающихся собственности и исходящихъ отъ множества разнородныхъ субъектовъ, напримѣръ, профессиональныхъ союзовъ, кооперативовъ, отдѣльныхъ индивидовъ и т. д.

Совершенно другой вопросъ, являются ли до сихъ поръ выдвинутыя рѣшенія проблемы о взаимоотношеніи многосложныхъ субъектовъ социалистической собственности удовлетворительными. Авторъ этихъ строкъ не признаетъ ихъ таковыми и думаетъ, что новыя усилія социалистической мысли не привели еще къ окончательнымъ результатамъ. Настоящая статья ставитъ себѣ задачу рассмотреть и подвергнуть критическому разбору основные типы рѣшеній проблемы объ отношеніи социализма и собственности, съ тѣмъ чтобы указать на нѣкоторыя обычно неучитываемыя возможности въ этой области и такимъ образомъ довести до логическаго конца современное стремленіе освободиться отъ государственнаго социализма. Въ основу послѣдующихъ разсужденій будетъ положенъ краткій теоретическій анализъ вопроса о сущности и видахъ собственности и, такимъ образомъ, попутно будетъ данъ отвѣтъ нѣкоторымъ новоявленнымъ обличителямъ социализма, строящимъ всѣ свои возраженія на произвольномъ ограниченіи «видовъ собственности», ограниченіи, заимствуемомъ изъ римскаго права, которое они якобы собираются преодолѣвать, на дѣлѣ же примѣняютъ его принципы столь рабски 1), что оказываются слѣпы къ налич-

1) См. Н. Н. Алексѣевъ. Собственность и Соціализмъ. Опытъ обоснованія социально-экономической программы евразійства. 1928, въ *ософ.* 25 - 26, 34 - 38, 57, 61.

нымъ уже въ современной жизни институтамъ собственности: рѣчь идетъ о фигурѣ (не коллективно-общей (собственность односложнаго юридическаго лица) и не въ порядкѣ кондомината разрозненныхъ субъектовъ (сособственность) общей, а соборно-общей собственности сложныхъ юридическихъ лицъ, субъектами которой одновременно являются цѣлое и всѣ сочлены въ отдѣльности въ извѣстныхъ идеальныхъ доляхъ («Gesamteigentum», «Eigentum zur gesamten Hand» — хорошо извѣстныя въ нѣмецкомъ правѣ и примѣрами которой отчасти являются акціонерныя общества и коммандитныя товарищества на паяхъ, далѣе предпріятія съ постепеннымъ превращеніемъ рабочихъ въ пайщиковъ, въ особенности же кооперативная и артельная собственность, а также общинное землевладѣніе). Игнорируя этого рода соборные субъекты, нельзя и подойти къ проблемѣ социалистической собственности.

I. Безусловное принужденіе и собственность.

Плодотворное обсужденіе вопроса о социализаціи собственности предполагаетъ предварительное уясненіе нѣкоторыхъ особенностей этого института, не устранимыхъ ни при какомъ строеѣ. Всюду, гдѣ налицо регулируемое правомъ отношеніе лицъ къ вещамъ, или точнѣе по поводу вещей, въ наличности и право собственности. Собственность есть послѣдняя рѣшающая инстанція въ неизбежномъ при всякомъ порядкѣ спорѣ лицъ по поводу вещи. Отрицать вообще собственность значитъ отрицать самую возможность правового регулированія человѣческихъ отношеній, касающихся имущественной сферы. Совершенно очевидно, что социализмъ, стремясь правовымъ образомъ организовать хозяйство, не только не устраняетъ въ этомъ смыслѣ института собственности, а прямо вынужденъ опираться на него, какъ на свою базу. И подобно тому, какъ демократизація государства, при всемъ видоизмѣненіи внутренней сущности государственной власти, которос она съ собой несетъ, оставляетъ неприкосновеннымъ безусловно - принудительный характеръ этой послѣдней, подобно этому, социализація собственности, въ какой бы формѣ она ни совершалась и къ какому бы внутреннему преобразенію существа собственности они ни приводила, не можетъ

устранить характера собственности, какъ послѣдней рѣшающей инстанціи въ спорѣ о вещи. Другими словами, право собственности, кому бы его ни приписывать (индивиду ли, государству, другимъ общественнымъ союзамъ, какъ односложнымъ единствамъ или какъ сложнымъ соборнымъ субъектамъ) и какъ бы его ни регламентировать (въ порядкѣ ли частнаго, публичнаго или социальнаго права) содержитъ въ себѣ неизбежно громадную реальную силу, которую оно предоставляетъ своимъ субъектамъ.

Между правомъ собственности и правомъ государства на безусловное принужденіе своихъ сочленовъ, которые не могутъ свободно выступить изъ государства и уклоняться отъ его санкцій, есть нѣкая глубокая аналогія. Это два самыхъ абсолютныхъ права въ человѣческомъ общежитіи, двѣ инстанціи окончательнаго рѣшенія, два центральныхъ узла, вокругъ которыхъ группируются все основныя проблемы общественной организаціи. И собственность и безусловное государственное принужденіе одинаково могутъ служить и наиболѣе прочной гарантіей личной и общественной свободы, и, при своемъ извращеніи, наиболѣе страшнымъ орудіемъ порабощенія человѣка. Собственность и государственное принужденіе — великія и грозныя силы, и чтобы не быть раздавленными ими, человѣкъ долженъ научиться съ ними обращаться: онъ долженъ направить ихъ другъ противъ друга такъ, чтобы они могли вступить во взаимное равновѣсіе и чтобы сфера свободы образовалась бы путемъ объективнаго взаимнаго ограниченія этихъ двухъ мощныхъ стихій.

Ошибка индивидуалистическаго либерализма, еще устами Локка поставившаго знакъ равенства между гражданской свободой и собственностью (*liberty and property*), вовсе не въ томъ, что онъ усмотрѣлъ въ собственности наиболѣе реальный предѣлъ государственной власти, а въ томъ, что онъ не понималъ, что индивидуальная собственность разрозненныхъ и противоборствующихъ между собой гражданъ абсолютно недостаточный предѣлъ для этой власти. Онъ не замѣчалъ и не могъ замѣтить, не выходя изъ собственныхъ своихъ предѣловъ, что реальнымъ барьеромъ для государственной власти, соравнымъ ему по силѣ, можетъ служить только общая, цѣлокупная собственность организационнаго во внѣгосударственнаго единства «экономическаго общества».

И съ другой стороны, индивидуалистическій либера-

лизмъ не отдавалъ себѣ отчета, что гарантировать свободу путемъ противопоставленія себя государству можетъ только морально - просвѣтленная собственность, собственность, осуществляемая не въ эгоистическомъ индивидуальномъ или групповомъ интересѣ (напримѣръ, собственность трестовъ и картелей), а въ общемъ интересѣ соціального служенія, словомъ, собственность, ставшая соравной безусловно-принудительной власти государства не только по своей реальной силѣ, но и по своей внутренней цѣнности. Проблему такого противопоставленія собственности и государства и призванъ, по нашему глубокому убѣжденію, разрѣшить социализмъ. Недаромъ Прудонъ, тотъ самый Прудонъ, который назвалъ абсолютную и произвольную власть лица надъ вещью кражей, не усомнился признать въ просвѣтленной черезъ систему мутуалистическихъ гарантій собственности, закрѣпленной за хозяйственной федераціей, наиболѣе дѣйствительный барьеръ противъ произвола государственной власти. Вотъ его пророческія слова, написанныя имъ въ наиболѣе социалистическій періодъ его мысли: «*Servir de contrepoid à la puissance publique de l'Etat, par ce moyen assurer la liberté, telle sera donc dans le système fédératif, la fonction principale de la propriété. De l'opposition de ces deux absolus jaillit la liberté*». (Théorie de propriété, Oeuvres posthumes, p. 138, 144 - 145, срвн. 193, 196, 208 - 210).

Достаточно согласиться, что собственность и безусловное государственное принужденіе суть двѣ наиболѣе реальные и дѣйственные силы въ общежитіи, чтобы стала очевидной опасность ихъ соединенія воедино. Если Монтескье во имя свободы опасался соединенія въ одномъ органѣ нѣсколькихъ государственныхъ функций и призывалъ къ тому, чтобы внутри государства «власть останавливала власть», то насколько страннѣе и зловѣщѣе для свободы должна быть концентрація въ одной организациіи власти послѣдняго рѣшенія въ спорѣ о вещи и власти безусловнаго принужденія. Будь государство лишь частичнымъ собственникомъ или полнымъ собственникомъ орудій производства, представляй оно «функциональную федерацію» (Гессенъ) или не представляй, никакое его внутреннее преобразование не можетъ устранить того факта, что государство — публично - правовой собственникъ — властью своего безусловнаго принужденія сможетъ за-

щищать свой интересъ собственника, и своей властью собственника — властью послѣдняго рѣшенія въ спорѣ о вещи, — свой государственный авторитетъ. Всякое обязательное участіе государства въ собственности превращаетъ послѣднюю въ публично - правовую монополию государства, устраняющую всѣхъ остальныхъ участниковъ. Государство -- монополистъ безусловнаго принужденія — становясь собственникомъ орудій производства, превращаетъ и ихъ въ свою монополию. Монополія принужденія и монополія собственности сливаются воедино. Государство, монополичный публично - правовой собственникъ, неизбежно превращается во всепоглощающаго Левиафана, и всякая личность и всякая группа, поскольку она не есть элементъ государства (государственный органъ, государство-сочленъ, публичная служба), — въ лишенную всякой реальной экономической опоры и способности дѣйствительнаго сопротивленія жертву. Это неустранимое положеніе вещей необходимо твердо помнить при обсужденіи проблемы социализаціи.

II. Преображеніе собственности и субъекты собственности.

Мы сказали, что ограничивать государственную власть во имя свободы можетъ только внутренне просвѣтленная и преобразенная собственность, собственность, осуществляемая въ интересахъ социальнаго служенія. Рѣчь идетъ здѣсь объ измѣненіи внутренняго существа собственности, самаго характера правоотношеній между собственникомъ и другими членами общества, самаго объема полномочій, предоставляемыхъ собственностью. Вопросъ этотъ особенно подробно разработалъ извѣстный французскій юристъ Дюги, наглядно показавшій, что римская идея абсолютной собственности, согласно которой безусловность власти собственника надъ вещью можетъ быть ограничена лишь въ томъ случаѣ, когда пользованіе этой вещью нарушаетъ права другихъ собственниковъ, все болѣе исчезаетъ изъ современной правовой жизни. На ея мѣсто приходитъ идея функциональной или относительной собственности, которая разсматриваетъ собственность какъ функцію цѣлаго и допускаетъ ограниченіе ея рядомъ положительныхъ обязанностей, опутываетъ собственность густой сѣтью гарантіи и ограниченій, лежащихъ на нее во имя общественной солидарности. Марксистскій со-

ціалізмъ, разсуждая о соціалізації, обычно вовсе не обращалъ вниманія на это измѣненіе самой природы собственности и сводилъ всю проблему къ перемѣнѣ субъектовъ собственности: вмѣсто индивидуальнаго субъекта коллективный субъектъ — государство. Въ видѣ реакціи на эту невѣрную постановку вопроса, нѣкоторые современные писатели, напримѣръ, С. І. Гессенъ, находятъ, что весь центръ проблемы соціалізації не въ томъ, кто собственникъ, а въ томъ, какъ собственность осуществляется. Вопросу же о субъектахъ собственности они придаютъ лишь второстепенное значеніе и рѣшаютъ его съ недостаточной отчетливостью (см. ниже, разд. VII). По нашему разумѣнію, въ такомъ взглядѣ кроется ошибка не меньшая, чѣмъ въ одностороннемъ интересѣ къ вопросу о субъектахъ собственности.

Недостаточно говорить о необходимости видоизмѣненія природы собственности. Необходимо указывать путемъ какихъ конкретныхъ организационныхъ формъ оно можетъ быть достигнуто. А эти организационныя формы неразрывно связаны съ вопросомъ о субъектахъ собственности. Не всякое измѣненіе субъектовъ собственности способствуетъ измѣненію ея природы. Но, какъ увидимъ, только укрѣпленіе собственности за опредѣленной разновидностью субъектовъ — не единичныхъ и не коллективныхъ (простыхъ юридическихъ лицъ), а соборныхъ, сложныхъ субъектовъ (*Gesamtpersonen*), обычно игнорируемыхъ буржуазно-индивидуалистической юридической мыслью, способно привести къ дѣйствительному преображенію природы собственности. Что сказали бы о такомъ демократѣ, который, установивъ совершенно правильное положеніе, что сущность демократіи состоитъ не въ перенесеніи абсолютной власти монарха на народъ, а во внутреннемъ преображеніи власти, подчиняемой праву, призналъ бы вопросъ о субъектахъ власти несущественнымъ! Подобно тому, какъ вся суть демократической позиціи заключается въ утвержденіи, что установить суверенитетъ права надъ властью возможно только путемъ всесторонняго контроля народа, признаннаго верховнымъ субъектомъ власти, надъ государственными органами, подобно этому, вся суть социализма не можетъ не заключаться въ отысканіи такихъ субъектовъ, закрѣпленіе за которыми собственности ведетъ къ ея внутреннему преображенію. Положеніе, что вся суть социализ-

заци въ «объективированіи» собственности, въ утвержде-
ніи верховной собственности какъ «безсубъект-
ной» (Гессенъ) по существу лишь маскируетъ отказъ
разрѣшить проблему о конкретныхъ путяхъ преобразенія
собственности 1).

Что ограниченіе полномочій собственности ведетъ въ
извѣстныхъ предѣлахъ къ большей «объективности» соб-
ственности безспорно. Но собственность, оставаясь соб-
ственностью, т. е. рѣшающей инстанціей въ спорѣ о вещи,
не можетъ не быть связана съ субъектомъ, которому при-
писывается эта власть и воля окончательнаго рѣшенія.
Подобно тому, какъ немыслимо безусловное принужде-
ніе безъ субъекта — организациі его осуществляющей, не-
мыслима и собственность безъ субъекта. Примѣры «без-
субъектныхъ имуществъ», приводимые Бринцомъ и Дю-
ги, въ родѣ намятниковъ, больницъ, богадѣленъ и т. д.
говорятъ только о тѣхъ предѣльныхъ случаяхъ, когда соб-
ственностью никто непосредственно не владѣетъ и когда
распоряженіе ею сильно затруднено. Какое однако можетъ
быть сомнѣніе, что налицо здѣсь имѣется субъектъ,
рѣшающій въ послѣдней инстанціи судьбу предмета (го-
сударство, муниципалитетъ и т. д.) и, слѣдовательно, яв-
ляющійся верховнымъ (по терминологіи Гессена «абсо-
лютнымъ») собственникомъ.

Вопросъ о видоизмѣненіи субъектовъ собственности
есть центральный вопросъ въ проблемѣ социализациі и
обойти его нельзя никакими путями. Анализъ разныхъ
возможныхъ видовъ субъектовъ собственности есть по-
этому абсолютно необходимая предпосылка всякаго раз-
сужденія о социализациі. Къ этому анализу мы теперь и
обратимся.

Полномочія собственности являются потенциа-
льно неограниченными во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, ко-
гда субъектомъ собственности является нѣкое простое
единство, односложное лицо, своей единой волей могу-
щее рѣшить судьбу вещи. При этомъ безразлично яв-
ляется ли этотъ односложный субъектъ собствен-
ности («Alleineigentümer») отдѣльнымъ физическимъ

1) Что есть лишь воду на мельницу Н. Н. Алексѣева (op. cit.
стр. 63 - 64, 71 и сл.), сводящаго весь вопросъ о «преобразеніи соб-
ственности» къ банальнѣйшей идеѣ государственной защиты эконо-
мически-слабыхъ (см. ниже).

лицомъ (индивидомъ) или лицомъ юридическимъ, коллективнымъ (напримѣръ, муниципалитетомъ, коммуной, торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ, профессиональнымъ союзомъ и т. д.): Юридическое лицо — односложный субъектъ собственности дѣйствуетъ по отношенію къ собственности, какъ обыкновенный индивидъ; входящіе въ его составъ члены не являются собственниками тѣхъ объектовъ, которые принадлежатъ юридическому лицу, и не отвѣчаютъ имущественно за его дѣйствія. Въ спорѣ о вещи, принадлежащей юридическому лицу, они ему безусловно подчинены. Юридическое лицо — односложный субъектъ собственности — представляетъ собой какъ бы громаднаго индивида, индивида, разсматриваемаго въ луно и столь же разобщеннаго въ своемъ отношеніи къ вещи отъ другихъ субъектовъ (во внѣ и внутри себя), какъ и физическій индивидъ.

Та же абсолютная разобщенность субъектовъ собственности и потенциальная неограниченность ихъ власти надъ вещами наблюдается и въ томъ случаѣ, когда имущество принадлежитъ совмѣстно нѣсколькимъ лицамъ на началахъ такъ называемой сособственности или кондомината (напр., нѣсколько лицъ купили совмѣстно имѣніе или получили въ наслѣдство фабрику). На первый взглядъ можетъ показаться, что въ данномъ случаѣ полномочія собственности нѣсколько ограничены, такъ какъ нужно согласіе всѣхъ сособственниковъ, чтобы распорядиться вещью. Но на самомъ дѣлѣ эта связанность собственности только кажущаяся. Каждый изъ собственниковъ, разойдясь съ прочими, въ правѣ потребовать раздѣла всего имущества и, если онъ невозможенъ, полной ликвидаціи собственности путемъ продажи. Собственники не образуютъ никакого цѣлаго стоящаго надъ ними и вещью, а составляютъ простую механическую сумму изъ разрозненныхъ слагаемыхъ, сумму, которая распадается по желанію каждаго отдѣльнаго участника.

Такимъ образомъ можно сказать, что и индивидуальная собственность и т. н. «общая» собственность, поскольку она принадлежитъ односложнымъ субъектамъ (коллективная собственность) или ихъ суммѣ (сособственность), есть имманентно неограниченная собственность, собственность потенциально чисто эгоистическая и внутренне не просвѣтленная. Ограниченіе подобной собственности

возможно только и з в н ѣ путемъ механической узды, налагаемой средствами государственнаго принужденія. Не мудрено поэтому, что писатели, не допускающіе существованія никакихъ другихъ субъектовъ собственности, кромѣ вышеперечисленныхъ, всю проблему объ измѣненіи природы собственности сводятъ къ государственному вмѣшательству въ собственническія отношенія и къ усиленію государственнаго *impregiuma* 1). Проповѣдуя «огосударствленіе безъ социализаціи» (Франкъ) или «государственно - частную систему хозяйства» (Алексѣевъ) и прикрывая подѣ этими новыми названіями самое обычное неолиберальное ученіе объ активной социальной политикѣ государства и государственномъ вмѣшательствѣ въ пользу слабой стороны 2), эти авторы разительнымъ образомъ не замѣчаютъ, что при такихъ условіяхъ всякое внутреннее преображеніе природы собственности совершенно исключено. Палліативъ государственнаго вмѣшательства задерживаетъ лишь какъ внѣшній, посторонній затонъ лавину собственническаго произвола, который, не имѣя возможности выявиться, лишь усиливается въ своей внутренней напряженности. Ни о какомъ внутреннемъ преобразеніи собственности въ «соціальную функцію» путемъ усиленнаго на нее давленія государственной власти извнѣ не можетъ быть и рѣчи. Собственность остается абсолютной и лишь механически обрубленной, что, конечно, чрезвычайно жслательный суррогатъ въ предѣлахъ капиталистической системы, но совершенно не разрѣшаетъ проблемы. Странно видѣть, какъ С. Л. Франкъ — одинъ изъ самыхъ тонкихъ и глубокихъ философовъ современности, — стремящійся построить ученіе о собственности на «основахъ синтетически - органическаго міровоззрѣнія» (ор. cit. стр. 274 и слѣд.), не отдаетъ себѣ отчета, что его конструкція «огосударствленія безъ социализаціи хозяйственной жизни» остается всецѣло въ рамкахъ чисто механистической и индивидуалистической концепціи. Интересно отмѣтить, что всѣ мыслители, дѣйствительно послѣдовательно примѣнявшіе этико - органическое воззрѣніе къ конструкціи собственности, какъ Христіанъ Краузе, Аренсъ,

1) См. Алексѣевъ, ор. cit. 63 и сл.; Франкъ, ор. cit. 279 и сл.

2) Почему это традиціонное воззрѣніе европейскихъ экономистовъ и политиковъ конца XIX вѣка является специфически «евразійской» теоріей (см. Алексѣевъ, ор. cit. стр. 73), остается личнымъ секретомъ г-на Алексѣева.

Марло (Винкельблехъ) и въ новѣйшее время Гирке, приходили къ выводамъ прямо противоположнымъ Франку: они всѣ въ разныхъ формахъ развивали ученіе о соборной собственности (*Gesamteigentum*), преобразуемой имманентнымъ путемъ, благодаря закрѣпленію за многосложными, соборными (органическими) субъектами, въ которыхъ собственность одновременно принадлежитъ и цѣлому, и каждому сочлену въ отдѣльности и, такимъ образомъ, органически связывается социальнымъ правомъ, регулирующимъ внутреннюю жизнь соборнаго субъекта собственности. Органологи Краузе и Марло клали это ученіе, дѣйствительно въ предѣлѣ превращающее собственность въ социальную функцію, въ основу своихъ чисто социалистическихъ конструкцій и сознательно соприкасались въ этомъ вопросѣ съ такими французскими социалистами, какъ Фурье и Прудонъ...

III. Соборная собственность и государство.

Мы пришли до сихъ поръ къ двумъ основнымъ выводамъ: во-первыхъ, что соединеніе въ однихъ рукахъ безусловнаго принужденія и собственности таитъ въ себѣ величайшія опасности; во-вторыхъ, что внутреннее просвѣтленіе самой природы собственности, превращающее ее въ начало, способное по своей имманентной цѣнности противопоставить себя государству, требуетъ измѣненія субъектовъ собственности, именно закрѣпленія собственности на орудія производства за особыми многосложными, соборными субъектами. Намъ остается, чтобы покончить съ этой предварительной, теоретической частью нашего анализа: а) болѣе подробно описать структуру соборныхъ субъектовъ собственности и тѣхъ измѣненій, которыя они способны внести въ природу собственности; в) показать, почему государство во всѣхъ своихъ видахъ, унитарномъ или федеративномъ, не можетъ быть такимъ соборнымъ субъектомъ собственности, но неизбежно, какъ бы его ни трансформировать, является односложнымъ субъектомъ собственности (субъектомъ *Alleineigentum*'а).

При соборной собственности собственникомъ одновременно является цѣлое и каждый отдѣльный сочленъ. Собственность цѣлаго проявляется внѣшнимъ образомъ въ томъ, что выходъ изъ состава общенія отдѣльнаго со-

члена, или цѣлой группы ихъ, не влечетъ за собой раздѣла имущества, какъ при сособственности. Между тѣмъ, за каждымъ сочленомъ закрѣплена въ собственность извѣстная идеальная доля объекта и онъ въ правѣ требовать ея возмѣщенія при своемъ выходѣ, который остается свободнымъ. Такъ какъ цѣлое здѣсь такой же субъектъ собственности, какъ и каждый сочленъ, то имущество остается всегда за цѣлымъ, а отдѣльный сочленъ, выступая изъ общенія, получаетъ лишь денежный эквивалентъ своей части. Такого типа соборная собственность можетъ быть организована весьма разнообразнымъ путемъ: доли отдѣльных сочленовъ могутъ быть равныя и неравныя, число ихъ можетъ быть ограничено и неограничено, цѣлое можетъ составлять во внѣшнемъ оборотѣ самостоятельную юридическую личность и не составлять таковую. Гирке, особенно подробно разработавшій этотъ вопросъ, указываетъ рядъ примѣровъ соборной собственности въ современномъ правѣ: собственность акціонерныхъ обществъ, товариществъ на паяхъ, коммандитныхъ товариществъ, обществъ взаимнаго кредита, кооперативовъ, артелей, наконецъ, общинное землевладѣніе. Сюда можно было бы еще прибавить новѣйшій, развившійся въ Америкѣ типъ предпріятій съ постепеннымъ привлеченіемъ проработавшихъ извѣстное количество лѣтъ рабочихъ въ число акціонеровъ.

Чрезвычайно важно, что какъ бы фактически ни складывались отношенія собственности при принадлежности ея соборнымъ субъектамъ, принципиально здѣсь имѣется та особенность, что отношеніе лица къ вещи здѣсь непосредственно пронизывается правомъ, вытекающимъ изъ общенія лицъ между собой, какъ сочленовъ высшаго цѣлага, т. е.: социальное право организациі проникаетъ внутрь собственническаго отношенія. Въ этомъ смыслѣ всякая соборная собственность есть потенциально извнутри связанная собственность и отъ социальнаго права соотвѣтственной организациі зависитъ сдѣлать эту связанность актуальной. Если возможность свободной продажи своей доли, аккумулярованія ихъ въ однихъ рукахъ, вхожденія и выхода изъ организациі безъ всякаго контроля съ ея стороны (какъ въ современныхъ акціонерныхъ обществахъ) сводить эту потенциальную связанность до минимальнаго предѣла, то требованіе, согласно уставу, лична-

го трудового участія, установленія нормальнаго трудового пая, въ зависимости отъ количества лѣтъ работы, (и, слѣдовательно, невозможность передачи и аккумуляціи), привлеченіе въ составъ соборнаго субъекта собственности элементовъ съ противоположными интересами, какъ напримѣръ, потребителей и производителей, различныхъ профессій и т. д., наконецъ, воспрещеніе отчужденія соборнаго имущества безъ единогласнаго разрѣшенія даннаго каждымъ отдѣльнымъ индивидомъ и каждой группой, изъ числа входящихъ въ составъ соборнаго субъекта сочленовъ — всѣ эти и многія другія постановленія соціальнаго права организаціи, вырастающей изъ соборной собственности, въ состояніи довести ея внутреннюю связанность до максимальнаго напряженія.

Существенной особенностью соборной собственности является то обстоятельство, что актуализація ея связанности ни въ малѣйшей степени не отражается на положеніи отдѣльныхъ сочленовъ - собственниковъ по отношенію къ цѣлому. Такъ какъ каждый отдѣльный сочленъ является собственникомъ своей идеальной доли, онъ сохраняетъ за собой полную свободу выхода изъ цѣлаго и выдѣла своей части, въ порядкѣ возмѣщенія ея цѣнности. И чѣмъ связаннѣе соборная собственность, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ внутри многосложнаго субъекта воля каждаго отдѣльнаго индивидуальнаго или групповаго собственника. Фигура соборной собственности можетъ быть съ успѣхомъ примѣнена не только къ отдѣльному предиріятію, но и къ цѣлой хозяйственной отрасли, дагѣе къ отношенію между мѣстными и центральными организаціями этой отрасли, къ взаимоотношенію между организаціями потребителей и производителей, къ взаимоотношенію профессій и, въ конечномъ итогѣ, ко всей хозяйственной жизни страны. Только будучи расширена до этихъ своихъ послѣднихъ предѣловъ соборная собственность можетъ проявить всю ту силу внутренняго преображенія института собственности, на которую она потенциально способна. Это и будетъ социализаціей. Соціалистически организованное экономическое общество строится какъ многосложный соборный субъектъ собственности на орудія производства и землю, участни-

на котораго: группы производителей и потребителей и отдѣльные индивиды, входящіе въ ихъ составъ, всё безъ исключенія являются собственниками идеальныхъ долей, возмѣщенія которыхъ они въ правѣ требовать въ случаѣ выхода ихъ изъ организаціи. Хозяйственный федерализмъ возможенъ только въ формѣ соборной собственности экономического цѣлаго и всѣхъ его составныхъ элементовъ совместно, и всякое другое рѣшеніе неминуемо превращаетъ этотъ федерализмъ въ централизмъ. Соборная собственность принципиально исключаетъ монополию и предоставляетъ каждому сочлену, покинувшему хозяйственную организацію, право свободной конкуренціи. Другой вопросъ, будетъ ли это потенциальное право конкуренціи имѣть при социализмѣ фактической смыслъ для отдѣлишагося субъекта: но принципиально его хозяйственная свобода spolна ограждена.

Теперь не трудно понять, почему государство, по самому своему внутреннему существу не въ состояніи быть или стать соборнымъ субъектомъ собственности. Государство есть безусловно принудительная организація, свободный выходъ изъ которой невозможенъ. Въ этомъ ся характеръ ея главное положительное значеніе и призваніе, какъ того конденсированнаго стержня правопорядка, безъ помощи котораго право не можетъ осуществлять съ достаточной интенсивностью своей замиряющей функціи въ общежитіи. Неустранимымъ элементомъ государства является субординація его сочленовъ, относительный суверенитетъ, преобладаніе цѣлага надъ частями. Государство допустимо конструировать какъ многосложнаго, соборнаго субъекта публичной власти, въ какомъ видѣ оно особенно отчетливо выступить при федеративномъ строѣ, но оно во всѣхъ своихъ видахъ остается односложнымъ субъектомъ собственности, поскольку здѣсь признается его монополія. Собственность, возведенная въ рангъ публичнаго права, публично-правовая собственность, есть исключительная собственность государства, какъ единаго лица (*Alleineigentum*), которая ни въ малѣйшей степени не принадлежитъ отдѣльнымъ частямъ государства (напр., органамъ государства, публичнымъ службамъ и т. д.) или отдѣльнымъ гражданамъ, и, поскольку она закрѣпляется за отдѣльными государствами - сочленами федераціи, она опять таки пріобрѣтаетъ характеръ односложной, коллективной, а не соборной соб-

ственности. Собственность можетъ одновременно принадлежать цѣлому и его составнымъ элементамъ лишь поскольکو эти послѣдніе обладаютъ правомъ свободнаго выхода изъ цѣлаго и возмѣщеніемъ своей части, что абсолютно невозможно по отношенію къ публично-правовымъ союзамъ. Въ спорѣ о вещи между государствомъ и его составными элементами государство является рѣшающей инстанціей въ двойномъ отношеніи: какъ верховный носитель публичной власти и какъ односложный субъектъ собственности. Понятіе соборной собственности и понятіе публично-правовой собственности исключаютъ другъ друга. Такъ какъ мы пришли къ заключенію, что внутреннее преобразование института собственности возможно только путемъ ея закрѣпленія за соборными субъектами, то мы можемъ разсматривать нашъ теперешній выводъ, какъ новое возраженіе противъ всѣхъ возможныхъ видовъ огосударствленія собственности. Огосударствленная собственность есть абсолютно безграничная, чисто эгоистическая собственность въ силу двухъ разныхъ основаній: 1) она соединяетъ въ рукахъ одного субъекта право безусловнаго принужденія и право послѣдняго рѣшенія въ спорѣ о вещи; 2) она неминусемо есть собственность односложнаго субъекта (*Alleineigentum*) и исключаетъ идею соборной собственности. Съ этими теоретическими результатами въ рукахъ мы можемъ обратиться къ оцѣнкѣ главнѣйшихъ типовъ рѣшенія проблемы о социализаціи.

Мы не станемъ останавливаться на централистски - коллективистическихъ конструкціяхъ, признающихъ государство (послѣмарксовская социаль - демократія, не безъ вліянія Лассаля) или еще болѣе сконцентрированное въ простое единство, сверхгосударственное общество - автомагъ (самъ Марксъ и коммунисты), неограниченнымъ собственникомъ орудій производства и непосредственнымъ руководителемъ хозяйственнаго процесса. Критика подобныхъ воззрѣній, единственное преимущество которыхъ въ ихъ сравнительной послѣдовательности, давалась, особенно въ послѣднее время, подъ впечатлѣніемъ російскаго опыта, неоднократно, да и тѣ предварительныя теоретическія положенія, которыя мы сформулировали въ началѣ настоящей статьи, содержатъ ихъ непосредственное осужденіе. Мы посвятимъ все свое вниманіе болѣе сложнымъ и тонкимъ конструкціямъ социализаціи, стремящимся избѣг-

нуть прямого «огосударствленія» хозяйства, однако, по нашему мнѣнію, разными путями невольно впадающимъ въ «этатизмъ».

IV. Противорѣчія децентрализаторскаго коллективизма.

Идеи «децентрализаторскаго коллективизма» развивались въ концѣ XIX-го вѣка цѣлымъ рядомъ крупнѣйшихъ и наиболѣе послѣдовательныхъ представителей реформистскаго социализма: во Франціи впервые еще Полемъ Бруссомъ, затѣмъ въ особенно яркой формѣ Жоресомъ, а также Ж. Ренардомъ; въ Бельгіи Вандервельде и Дестре, въ Англіи — супругами Веббъ; наконецъ, въ Германіи, что быть можетъ поразить нѣкоторыхъ читателей, никѣмъ инымъ, какъ Эдуардомъ Бернштейномъ.

«Государство, заявляетъ Бернштейнъ (мысли котораго въ этомъ направленіи остались совершенно безъ вліянія на другихъ нѣмецкихъ реформистовъ) было бы безумцемъ, если бы захотѣло непосредственно взять въ свои руки управление процессомъ производства и распредѣленія» (*Geschichte und Theorie des Sozialismus*, 1901, p. 242). «Оно должно при социализмѣ поручить непосредственную эксплуатацію предприятий автономнымъ товариществамъ (*Genossenschaften*) производителей» (*Voraussetzungen und Ziele*, p. 133, 162, 34). «Можно говорить только о верховной собственности государства (*Obercigentum*) на орудія производства» (*Gesch. und Theor.* p. 361). «Преувеличенный этатизмъ нѣмецкой социаль-демократіи громадная опасность» (Предислов. Бернштейна къ франц. изд. *Vor. und Ziele*, p. XXIII). «Социализмъ вовсе не хочетъ расширенія сферы государственнаго принужденія; чтобы не впадать въ извращеніе онъ долженъ помнить, что онъ представляетъ собой антииндивидуалистическій, организаціонный либерализмъ» (*organisatorischer Liberalismus*) (*Vor. und Ziele*, p. 132, 129 и слѣд.).

Особенно подробно и послѣдовательно эту точку зрѣнія на социализацію за нѣсколько лѣтъ до Бернштейна, именно въ 1895 - 1896 году развилъ Жоресъ¹⁾, и мы, въ виду ограниченности мѣста всецѣло сосредоточимся на критическомъ разборѣ его конструкции, — тѣмъ болѣе,

1) Въ статьяхъ въ «*Revue Socialiste*», подъ общимъ заглавіемъ: «*L'Organisation socialiste*».

что она идетъ далѣе всѣхъ другихъ аналогичныхъ въ сторону децентрализаціи. «Послѣ того, какъ государство объявлено собственникомъ орудій производства, говоритъ Жоресъ, самую организацію хозяйства можно себѣ представить двояко. Или каждая отрасль индустріи будетъ управляться государственной администраціей и производство будетъ такимъ образомъ этатизировано. Или же государство делегируетъ на опредѣленныхъ условіяхъ эффективную собственность и пользование орудіями производства профессиональнымъ группировкамъ и производство будетъ автономнымъ и корпоративнымъ» (Rev. Soc. 1896, 2 t., p. 129 et s.). Первую систему Жоресъ признаетъ абсолютно недопустимой: «Livrer aux hommes d'Etat et aux gouvernants déjà maîtres de la nation armée et de la diplomatie nationale, la direction effective du travail national, serait donner à quelques hommes une puissance auprès de laquelle celle des despotes d'Asie n'est rien, puisque celle-ci s'arrêtait à surface de la société et ne réglait pas la vie économique elle même» (ib. p. 143, срви. p. 130, 137, 154; Rev. Soc. 1895, p. 408). Только поскольку верховной собственности государства противостоитъ самостоятельное право владѣнія и пользования автономныхъ организацій, только поскольку «соціализація конституируется путемъ сложнаго взаимодействія между централизирующей дисциплиной государства и децентрализирующей самодѣятельностью профессиональныхъ союзовъ», можетъ быть достигнута необходимая свобода (ib. 1896, 2 t.; стр. 138 и рѣчь въ Палатѣ Депут. 1906 г.: «L'organisation de l'avenir»). Не только отдѣльное предприятие должно непосредственно руководиться самими заинтересованными, но и цѣльныя отрасли индустріи, и, въ конечномъ итогѣ, вся хозяйственная жизнь страны должна управляться особымъ Верховнымъ Совѣтомъ Труда («Conseil supérieur du Travail»), состоящимъ изъ представителей предприятий, индустрій, профессиональныхъ союзовъ, а также и государства, и разрабатывающимъ общій планъ производства, опредѣляющимъ необходимое количество труда и его распредѣленіе между корпораціями.

Позволительно, однако, спросить, въ какомъ отношеніи находится, согласно Жоресу, верховная собственность государства къ эффективной собственности автономныхъ группъ и далѣе, какъ соотносится «Верховный Совѣтъ Труда» съ политическимъ парламентомъ государства.

Здѣсь въ конструкціи Жореса начинаются неясности и противорѣчія, вытекающія изъ самаго существа его точки зрѣнія. Изъ того безспорнаго факта, что верховная собственность на орудія производства не можетъ быть признана ни за отдѣльнымъ предпріятіемъ, ни за цѣлой профессиональной организаціей или индустріей, такъ какъ это означало бы дезорганизацію хозяйственнаго плана и возможность эксплуатаціи въ эгоистическихъ интересахъ профессиональной группы всего общества, Жоресъ считаетъ возможнымъ вывести, что собственность должна принадлежать государству, за которымъ сохраняется послѣднее слово въ экономической жизни. «Верховный Совѣтъ Труда» долженъ быть инкорпорированъ внутрь государственной организаціи, долженъ стать особымъ органомъ государства, единственно призваннаго представлять общій интересъ (*ib.* 1896, 2 t., 138; 1895, стр. 263 - 264, 139, 152, 388). Государство, какъ верховный собственникъ орудій производства и воплощеніе общаго интереса сохраняетъ за собой право ставить синдикатамъ тѣ условія пользованія орудіями производства, которыя оно признаетъ желательнымъ; вынуждая корпораціи передавать себѣ всѣ излишки, государство непосредственно участвуетъ, какъ рѣшающій факторъ, въ распредѣленіи общественныхъ благъ. Такимъ образомъ, автономныя корпораціи не только безусловно подчинены въ своей дѣятельности политическому суверенитету государства, воплощенному въ законѣ, который издаетъ общегражданскій парламентъ, но и связаны «экономическимъ суверенитетомъ государства», какъ верховнаго собственника (*ib.*).

Легко усмотрѣть, что при такомъ пониманіи «самостоятельное право владѣнія и пользованія автономныхъ корпорацій» оказывается совершенно прекарнымъ. Государство, какъ суверень и верховный собственникъ, не только по своему желанію можетъ отнимать и предоставлять это право, предпочитая однѣмъ корпораціямъ другимъ, но оно можетъ еще вдобавокъ путемъ закона постоянно мѣнять предѣлы этого права, суживая автономію корпорацій, какъ ему заблагоразсудится, наконецъ, оно можетъ своимъ одностороннимъ актомъ отмѣнить вообще всю эту систему децентрализованнаго управленія хозяйствомъ. Никакой реальной гарантіи противъ хозяйственнаго всемогущества государства, котораго такъ опасался самъ Жоресъ, здѣсь не дано.

И это тѣмъ болѣе, что, какъ это признаетъ самъ Жоресъ, подобная система дѣйствительно осуществима лишь постолько, поскольку автономныя производственно - профессиональныя корпораціи сами надѣляются публично-правовыми функціями (ib. 1895, p. 388). Если государство есть монополюный верховный собственникъ орудій производства, оно можетъ предоставлять право пользования своей публично - правовой собственностью только публично-же-правовымъ союзамъ, а не частнымъ корпораціямъ, и только такого рода союзы, надѣленные силой безусловнаго принужденія, въ состояніи организовать хозяйство, въ основѣ котораго лежитъ монополюная собственность. Недаромъ еще предшественникъ Жореса — Поль Бруссъ, развивая планъ децентрализаторскаго коллективизма «dans lequel l'Etat fournit le capital et les associations ouvrières la main d'oeuvre», приходилъ къ заключенію, что этотъ строй реализуемъ лишь путемъ превращенія синдикатовъ въ самоуправляющіяся публичныя службы» (services publics) (см. La propriété collective et les services publics, 1883, p. 29, 22; Trois Etats, 1884, p. 11, 5), т. е. въ своеобразные органы государства... А Жоресъ, послѣ всѣхъ усилій противопоставить автономныя корпораціи государству, долженъ въ конечномъ итогѣ признать, что «dans le regime socialiste tout le monde sera fonctionnaire» (Rev. Soc. 1895, p. 406) и что по существу все-таки будетъ «только одинъ производитель и коммерсантъ -- государство» (ib. 263)...

Мысль децентрализаторскаго коллективизма здѣсь явно вращалась въ заколдованномъ кругу: чтобы избѣжать подчиненія всего хозяйственнаго процесса безусловному публично-правовому принужденію со стороны государства, право владѣнія и пользования орудіями производства предоставляется автономнымъ корпораціямъ, но сами они инкорпорируются внутрь государственной организаціи, именно въ составъ ея административной системы и превращаются въ органы безусловнаго принужденія со стороны послѣдней. Въ итогѣ трудно сказать, какая изъ системъ болѣе угрожаетъ свободѣ: простое огосударствленіе, непосредственно подчиняющее трудящихся государственной бюрократіи, но при условіи сохраненія свободы и независимости профессиональныхъ группировокъ, могущихъ бороться за свои интересы съ государствомъ-патрономъ, или децентрализаторскій коллективизмъ, который цѣной отри-

цанія синдикальной свободы, покунаеть управление государственной собственностью самоуправляющимися корпорациями, превращаемыми въ публичныя службы (т. е. въ элементы административнаго аппарата государства) и которыя могутъ односторонней волей государства быть сведенными на нѣтъ... Коллективизмъ остается коллективизмомъ, и недаромъ умный и чуткій Жоресъ, такъ отчетливо ощущавшій всю глубину проблемы, въ итогъ вынужденъ утѣшать себя и читателей банальной и ничего не говорящей фразой: «L'Etat-patron universalisé est l'Etat-patron supprimé» (Rev. Soc. 1895, p. 643) и разсматривать социалистическую собственность, какъ разновидность неограниченной собственности односложнаго коллективнаго субъекта (см. Etudes Socialistes, 1900, p. 235, 160, 168, 155; Rev. Soc., 1896, p. 260-261).

У. Заколдованный кругъ «революціоннаго синдикализма».

Если децентрализаторскій коллективизмъ во главѣ съ Жоресомъ, произвольно признавая государство единственно возможнымъ представителемъ общаго интереса націи, настаивалъ на сохраненіи въ его рукахъ монопольной собственности на орудія производства и, въ конечномъ итогъ, на инкорпорированіи синдикатовъ въ составъ административнаго аппарата государства, то прямой антиподъ коллективизма — довоенный «революціонный» синдикализмъ полагалъ, что онъ разрубаеть гордіевъ узелъ, вовсе отрицая государство и приписывая верховную собственность непосредственному объединенію мѣстныхъ «биржъ труда» и національныхъ профессиональныхъ организаций. Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что начиная съ основателя синдикализма Фернанда Пелутье и кончая его самымъ яркимъ довоеннымъ теоретикомъ Лагарделлемъ, синдикалисты никогда не думали предлагать, какъ имъ приписываетъ одинъ изъ новоявленныхъ русскихъ критиковъ социализма 1) передать собственность на орудія производства въ руки отдѣльныхъ профессиональныхъ группировокъ, такъ что, напримѣръ, «союзы углекоповъ становятся собственниками шахтъ, текстильщики — собственниками ситценабивныхъ фабрикъ, металлурги — собственниками металлургическихъ заво-

1) Н. Алексѣевъ, *op. cit.* стр. 37.

довъ» (Алексѣевъ, *op. cit.* стр. 37). Совершенно напротивъ! Синдикалисты, отлично отдавая себѣ отчетъ, что подобная система можетъ лишь усилить корыстный характеръ собственности и привести къ взаимной эксплуатаціи профессій и къ полному угнетенію потребителя, настаивали на томъ, чтобы собственность на орудія производства принадлежала совмѣстно синдикатамъ разныхъ специальностей. Пелутье прямо говоритъ о «*propriété sociale et indivisible*» (*Histoire de Bourse du travail*, 1902, стр. 198, 162), т. е. не объ собственности отдѣльныхъ корпорацій и не объ механической сособственности ихъ, а о чемъ-то близкомъ соборной собственности, такъ какъ каждый синдикатъ имѣетъ право свободного выхода изъ общей организаціи, не носящей безусловно-принудительнаго характера, но не имѣетъ права требовать раздѣла имущества, а, повидимому, лишь возмѣщенія своей идеальной доли.

Самъ Пелутье и его ближайшіе единомышленники предлагали передать эту не допускающую дѣлежа собственность на орудія производства въ руки локальныхъ «биржъ труда», представляющихъ объединеніе всѣхъ синдикатовъ данной мѣстности (*ib.* стр. 161, 88) 1). Этими биржамъ труда, какъ представителямъ соборной собственности синдикатовъ, должна быть поручена, согласно Пелутье, выработка общаго хозяйственнаго плана, опредѣленіе количества труда каждой корпораціи и распределеніе между ними продуктовъ, а центральной биржѣ труда — организаціи, представляющей общенациональное объединеніе всѣхъ мѣстныхъ биржъ — установленіе цѣнъ на продукты и согласованіе интересовъ разныхъ мѣстностей (F. Pelloutier, *L'organisation Corporative, L'Art Social*, 1896, p. 102 et s.).

Послѣдующіе синдикалисты, подъ вліяніемъ перестройки Всеобщей Конфедераціи Труда на новыхъ началахъ и превращенія ея въ двойную федерацію мѣстныхъ

1) О степени освѣдомленности Н. Алексѣева относительно доктринъ, которыя онъ критикуетъ, можно, между прочимъ, судить по тому факту, что онъ приписываетъ синдикалистамъ явно абсурдную мысль, будто они хотѣли учредить «биржи труда» при каждомъ отдѣльномъ синдикатѣ. Достаточно было заглянуть, если не въ какое-либо синдикалистское произведеніе или хотя бы въ уставъ Всеобщ. Конф. Труда, то въ любой учебникъ французскаго административнаго права, чтобы избѣгать подобныхъ элементарныхъ ошибокъ.

биржъ труда и общенациональныхъ синдикатовъ, соответственнымъ образомъ видоизмѣнили социализаціонные планы Пелутье, что привело ихъ къ еще болѣе послѣдовательному примѣненію идеи социальной, соборно-недѣлимой собственности. Съ ихъ точки зрѣнія, собственность на орудія производства должна принадлежать совместно всѣмъ общенациональнымъ синдикатамъ, всѣмъ мѣстнымъ биржамъ труда и ихъ центральному объединенію; такъ что основнымъ соборнымъ субъектомъ собственности является самая Всеобщ. Конфед. Труда, на которую и переносится значительная часть функций, приписываемыхъ Пелутье мѣстнымъ биржамъ. Соучастниками этой «конфедеральной собственности» являются въ идеальныхъ доляхъ также и каждый мѣстный синдикатъ и каждое отдѣльное предпріятіе, но повидимому не отдѣльные индивиды (въ чемъ сказываются въ синдикализмѣ остатки коллективизма).

Главныя противорѣчія, въ которыхъ запутывались социализаціонные планы революціоннаго синдикализма происходили не изъ ихъ конструкціи собственности, а изъ совершенно иныхъ источниковъ: не устраненіе государства, въ качествѣ собственника орудій производства, а общее отрицаніе необходимости государства и стремленіе его разрушить взрывало изнутри всѣ ихъ построенія. И, съ другой стороны, совершенное пренебреженіе самостоятельными интересами потребителей, которые во многомъ противоположны интересамъ производителей (хотя бы и взятымъ сообща) иными словами, забвеніе, что организаціи производителей не могутъ претендовать на представительство общаго хозяйственнаго интереса націи, дѣлало позицію синдикалистовъ несравненно болѣе слабой, чѣмъ концепціи децентрализаторскаго коллективизма.

Отрицая государство въ двойномъ его качествѣ: организаціи безусловнаго принужденія (анархическіе элементы синдикализма) и орудія классоваго господства (марксистскіе элементы синдикализма), революціонные синдикалисты не были настолько утопичными, чтобы полагать, что будущее общество сможетъ вовсе обойтись безъ ряда государственныхъ функций, напимѣръ, территоріальной полиціи безопасности, суда, школьнаго дѣла и т. д. Они вынуждены были передавать всѣ эти государственный функции непосредственно въ руки синдикальныхъ организацій (см. Pelloutier, *Hist. des Bourses du*

Travail, p. 54, 153, 164). Недаромъ Сорель призывалъ синдикаты «de vider l'organisation politique, en arrachant à l'Etat une à une t o u t e s (sic!) ses attributions» (см. L'avenir socialiste des syndicats, 1899, стр. 127, 123), а Пуже откровенно признавалъ, что Всеобщ. Конф. Труда «должна стать на мѣсто государства» (С. Г. Т. 1908, р. 45), на что намекалъ еще Пелутье, невзначай какъ-то упомянувъ о «синдикальномъ государствѣ» (op. cit. p. 170).

Достаточно сколько-нибудь внимательно всмотрѣться въ эту конструкцію, чтобы ея внутренняя логическая порочность стала бы непосредственно очевидной: 1) Если политическая организація — государство — не въ состояніи справиться съ проблемой организаціи хозяйства, то, казалось бы, послѣдовательнымъ усомниться и въ обратномъ: въ способности чисто-хозяйственной, синдикальной организаціи справиться съ задачами политическими, государственными. Объединяются ли хозяйственныя и политическія функціи въ рукахъ синдикальной организаціи или государства, эффектъ, очевидно, получается одинъ и тотъ же: непомѣрное усиленіе соотвѣтственной организаціи и смѣшеніе разнородныхъ функцій. 2) Важное преимущество синдикальной организаціи передъ государственной заключается въ глазахъ синдикалистовъ въ томъ, что она лишена безусловно - принудительнаго характера, допускаетъ свободу выхода и такимъ образомъ не закрѣпощаетъ хозяйства. Однако, при устраненіи государства, гдѣ гарантія, что синдикальная организація не узурпируетъ власти безусловнаго принужденія надъ своими сочленами? Если синдикальной конфедераціи не противостоятъ въ качествѣ контръ-баланса другая организація, имѣющая право препятствовать превращенію союза синдикатовъ въ организацію безусловнаго принужденія и наблюдать за тѣмъ, чтобы тенденціи къ этому превращенію не проявлялись бы, никакая гарантія противъ захвата Всеобщей Конфедераціей Труда политическаго суверенитета немыслима. Только государство, противопоставленное синдикально - хозяйственнымъ организаціямъ, можетъ служить порукой противъ ихъ превращенія въ новое государство! При раствореніи государства въ «синдикальномъ обществѣ» послѣднее неизбежно тяготѣетъ къ тому, чтобы самому превратиться въ государство. Лишь взаимное ограниченіе и взаимное равновѣсіе «государства» и «общества», какъ двухъ независимыхъ и

самостоятельныхъ организаций можетъ вывести изъ того порочнаго круга, въ которомъ обреченъ былъ вращаться революціонный синдикализмъ. 3) Этотъ порочный кругъ съ особой яркостью выступаетъ въ непосредственной характеристикѣ будущаго общества, какъ «Синдикальнаго государства». Поскольку Всеобщей Конфедерации Труда приписывался рядъ политическихъ функций, логика вещей приводила къ тому, что этой организации какъ бы невзначай приписывались и необходимыя средства, необходимыя полномочія для дѣйствительнаго осуществленія этихъ функций, т. е. безусловное принужденіе. Революціонные синдикалисты разительнымъ образомъ, не замѣчали, что въ тотъ же самый моментъ синдикаты превращались въ органы государства, въ лучшемъ случаѣ въ его федеративныя части, и вся хозяйственная жизнь подчинялась публичному праву и безусловному принужденію. Все отличіе отъ подобныхъ же выводовъ децентрализаторскаго коллективизма заключалось въ томъ, что послѣдній приходилъ къ инкорпорированію синдикатовъ въ существующую государственную организацию, а революціонный синдикализмъ — къ построенному на ея развалинахъ — новому государству. Конструктивный прогрессъ синдикализма состоялъ только въ томъ, что децентрализаторскій коллективизмъ предлагалъ включить синдикаты въ административный аппаратъ государства, а синдикалисты одновременно и внутрь его правотворческой, законодательной организации, причемъ «гражданинъ» отличный отъ «производителя» отрицался вовсе. Но результатъ въ конечномъ итогѣ по отношенію къ хозяйственной жизни получался одинаковый: отрицаніе синдикальной и личной свободы, на почвѣ превращенія синдикатовъ въ орудія государственнаго принужденія.

Въ частности: а) Возведеніе синдикатовъ въ рангъ публичнаго права приводитъ къ утвержденію монополии отдѣльныхъ синдикатовъ въ опредѣленной области хозяйственной дѣятельности и всей Конф. Тр. въ области хозяйства вообще, что равносильно абсолютной обязательности для каждаго производителя участвовать въ какомъ-нибудь изъ признанныхъ синдикатовъ и, слѣдовательно, означаетъ государственное воспрещеніе хозяйствовать внѣ уполномоченной на то организации. б) Поскольку при этомъ политическія права пріобрѣтаются только благодаря участію въ какомъ-либо синдикатѣ («государство профессій»),

давленіе государства на личность и въ чисто политической области получается несоизмѣримо болѣе сильнымъ, чѣмъ въ обыкновенномъ территоріальномъ государствѣ. с) Синдикальная организація превращается при такихъ условіяхъ въ способъ властвованія государства надъ синдикатами, а синдикатовъ — надъ отдѣльными лицами, при чемъ всякая возможность свободной борьбы синдиката съ государствомъ-патрономъ или съ замѣняющимъ его общенациональнымъ синдикатомъ устраняется, и вся синдикальная дѣятельность оказывается строго регламентированной. d) О соборной собственности при такомъ строѣ не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльныя индустріи и отдѣльные синдикаты, являясь элементами государственной организаціи, перестаютъ быть соучастниками собственности на орудія производства, такъ какъ не имѣютъ права свободного выхода изъ организаціи и, слѣдовательно, право требованія на возмѣщеніе своей идеальной доли, что въ подавнѣйшей степени относится и къ отдѣльнымъ индивидамъ...

Революціонный синдикализмъ приводитъ, такимъ образомъ, благодаря своему отрицанію государства, къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ онъ самъ стремится: къ превращенію хозяйственной организаціи въ государство несравненно болѣе властное, чѣмъ нынѣшнее, и къ порабощенію ему синдикатовъ. Положеніе профессиональныхъ корпорацій при большевистскомъ и фашистскомъ режимѣ (недаромъ Сорель въ послѣдніе годы своей жизни симпатизировалъ о б о и м ѣ!) можетъ служить хорошей иллюстраціей того заколдованнаго круга, въ которомъ обречена неизбежно вращаться мысль революціоннаго синдикализма.

Чтобы быть справедливымъ, нужно въ заключеніе отмѣтить, что одной изъ причинъ, толкавшихъ синдикалистскую теорію къ невольному огосударствленію профессиональныхъ союзовъ, несомнѣнно являлось смутное сознаніе, что организація производителей сама по себѣ не можетъ представлять общаго интереса націи. Но вмѣсто того, чтобы постараться включить въ самостоятельную хозяйственную организацію элементы съ интересами противоположными производителямъ, т. е. потребителямъ, и вмѣсто того, чтобы признать рядоположность нѣсколькихъ организацій, воплощающихъ общій интересъ (напр., государственной организаціи; хозяйственной организаціи; международной организаціи) революціонный синдика-

самостоятельныхъ организаций можетъ вывести изъ того порочнаго круга, въ которомъ обреченъ былъ вращаться революціонный синдикализмъ. 3) Этотъ порочный кругъ съ особой яркостью выступаетъ въ непосредственной характеристикѣ будущаго общества, какъ «Синдикальнаго государства». Поскольку Всеобщей Конфедерации Труда приписывался рядъ политическихъ функций, логика вещей приводила къ тому, что этой организации какъ бы невзначай приписывались и необходимыя средства, необходимыя полномочія для дѣйствительнаго осуществленія этихъ функций, т. е. безусловное принужденіе. Революціонные синдикалисты разительнымъ образомъ не замѣчали, что въ тотъ же самый моментъ синдикаты превращались въ органы государства, въ лучшемъ случаѣ въ его федеративныя части, и вся хозяйственная жизнь подчинялась публичному праву и безусловному принужденію. Все отличие отъ подобныхъ же выводовъ децентрализаторскаго коллективизма заключалось въ томъ, что послѣдній приходилъ къ инкорпорированію синдикатовъ въ существующую государственную организацию, а революціонный синдикализмъ — къ построенному на ея развалинахъ — новому государству. Конструктивный прогрессъ синдикализма состоялъ только въ томъ, что децентрализаторскій коллективизмъ предлагалъ включить синдикаты въ административный аппаратъ государства, а синдикалисты одновременно и внутри его правотворческой, законодательной организации, причемъ «гражданинъ» отличный отъ «производителя» отрицался вовсе. Но результатъ въ конечномъ итогѣ по отношенію къ хозяйственной жизни получался одинаковый: отрицаніе синдикальной и личной свободы, на почвѣ превращенія синдикатовъ въ орудія государственнаго принужденія.

Въ частности: а) Возведеніе синдикатовъ въ рангъ публичнаго права приводитъ къ утверженію монополіи отдѣльныхъ синдикатовъ въ опредѣленной области хозяйственной дѣятельности и всей Конф. Тр. въ области хозяйства вообще, что равносильно абсолютной обязательности для каждаго производителя участвовать въ какомъ-нибудь изъ признанныхъ синдикатовъ и, слѣдовательно, означаетъ: государственное воспрещеніе е хозяйствовать внѣ упомянутой на то организаци. б) Поскольку при этомъ политическія права пріобрѣтаются только благодаря участию въ какомъ-либо синдикатѣ («государство профессій»).

давленіе государства на личность и въ чисто политической области получается несоизмѣримо болѣе сильнымъ, чѣмъ въ обыкновенномъ территоріальномъ государствѣ. с) Синдикальная организація превращается при такихъ условіяхъ въ способъ властвованія государства надъ синдикатами, а синдикатовъ — надъ отдѣльными лицами, при чемъ всякая возможность свободной борьбы синдиката съ государствомъ-патрономъ или съ замѣняющимъ его общенациональнымъ синдикатомъ устраняется, и вся синдикальная дѣятельность оказывается строго регламентированной. d) О соборной собственности при такомъ строѣ не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльныя индустріи и отдѣльные синдикаты, являясь элементами государственной организаціи, перестаютъ быть соучастниками собственности на орудія производства, такъ какъ не имѣютъ права свободного выхода изъ организаціи и, слѣдовательно, право требованія на возмѣщеніе своей идеальной доли, что въ подавнѣйшей степени относится и къ отдѣльнымъ индивидамъ...

Революціонный синдикализмъ приводитъ, такимъ образомъ, благодаря своему отрицанію государства, къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ онъ самъ стремится: къ превращенію хозяйственной организаціи въ государство несравненно болѣе властное, чѣмъ нынѣшнее, и къ порабощенію ему синдикатовъ. Положеніе профессиональныхъ корпорацій при большевистскомъ и фашистскомъ режимѣ (недаромъ Сорель въ послѣдніе годы своей жизни симпатизировалъ о б о и м ъ!), можетъ служить хорошей иллюстраціей того заколдованнаго круга, въ которомъ обречена неизбежно вращаться мысль революціоннаго синдикализма.

Чтобы быть справедливымъ, нужно въ заключеніе отмѣтить, что одной изъ причинъ, толкавшихъ синдикалистскую теорію къ невольному огосударствленію профессиональныхъ союзовъ, несомнѣнно являлось смутное сознаніе, что организація производителей сама по себѣ не можетъ представлять общаго интереса націи. Но вмѣсто того, чтобы постараться включить въ самостоятельную хозяйственную организацію элементы съ интересами противоположными производителямъ, т. е. потребителямъ, и вмѣсто того, чтобы признать рядоположность нѣсколькихъ организацій, воплощающихъ общій интересъ (напр., государственной организаціи, хозяйственной организаціи, международной организаціи) революціонный синдика-

лизмъ запутывался въ противорѣчіяхъ «синдикальнаго государства» и его односложной коллективной собственности. Естественно поэтому, что дальнѣйшее развитіе теоріи социализаціи пошло прежде всего по пути углубленія проблемы о взаимоотношеніи между производителями и потребителями.

VI. Конструктивныя затрудненія гильдейскаго социализма.

Гильдейскій социализмъ, въ періодъ времени между 1916 - 1923 годомъ имѣвшій въ Англіи очень значительный успѣхъ и привлекшій къ себѣ всеобщее вниманіе, представляетъ собой очень широкое идейное теченіе, въ которомъ умѣщаются весьма разнообразныя направленія. С. I. Гессенъ, познакомившій въ своихъ интересныхъ очеркахъ читателей «Соврем. Записокъ» съ гильдейскимъ социализмомъ, хотя и отмѣчалъ попутно различіе конструктивныхъ идей у разныхъ представителей гильдеизма 1), къ сожалѣнію однако же не выявилъ достаточно отчетливо принципиальной грани, отдѣляющей ихъ между собой 2). Такъ, на примѣръ, направленіе представляемое Пенти и Тайлоромъ и наиболѣе далекое отъ реального рабочаго движенія, является вмѣстѣ съ тѣмъ и конструктивно наиболѣе отсталымъ: оно вращается въ томъ же заколдованномъ кругу, что и революціонный синдикализмъ, отличаясь отъ него только своимъ анти-индустриализмомъ, своей приверженностью къ среднимъ вѣкамъ и близостью къ... реакціонно-антисемитскимъ тенденціямъ Честертона и Беллока. По существу же оно, на почвѣ отрицанія современнаго государства, строитъ «государство гильдій», которымъ предоставляется публично - правовая монополія. Другое болѣе значительное теченіе гильдеизма, представленное Ореджомъ и въ особенности Гоббсономъ и которому по

1) См. *Совр. Зап.* № 29, стр. 323; № 30, стр. 385, 387 и сл., 396.

2) Объясняется это, по нашему разумнію, тѣмъ, что С. I. Гессенъ не учелъ децентрализаторскаго теченія въ реформизмъ (см. С. З. № 28, стр. 339 - 344), изложеннаго нами въ IV раздѣлѣ настоящей статьи, а потому выдвинулъ впередъ въ гильдеизмъ не столько его оригинальныя черты (идею равновѣсія и взаимнаго ограниченія между государствомъ и гильдейской организаціей и отрицанія монополіи государства на представительство общаго интереса), сколько элементы, заимствованныя имъ у супруговъ Веббъ и у другихъ децентрализаторскихъ коллективистовъ.

существо симпатизирует С. I. Гессенъ; близко подходит къ идеямъ децентрализаторскаго коллективизма (мы коснемся этого направленія въ VII разд., анализируя взгляды С. I. Гессена). И только третье теченіе въ гильдеизмѣ — во главѣ съ Колемъ — имѣвшее и продолжающее имѣть наибольшее число сторонниковъ, единственно реально связанное съ рабочимъ движеніемъ и всецѣло опредѣляющее направленіе дѣятельности «Лиги гильдейскаго социализма 1), даетъ нѣкоторую дѣйствительно новую конструкцію социализаціи, построенную на принципѣ контръ-балансированія между хозяйственной, «гильдейской» организаціей производителей и демократическимъ государствомъ, какъ двумя равноправными и независимыми организаціями, представляющими каждая общій интересъ націи, невыразимый цѣликомъ ни въ одной изъ нихъ 2); это третье теченіе единственно и характерно для гильдеизма, какъ оригинальной теоріи. Мы сможемъ, слѣдовательно, разбирая затрудненія гильдеизма всецѣло сосредоточиться на теоріяхъ Коля, мысль котораго прошла двѣ рѣзко отличныя фазы (также недостаточно отчетливо разграниченныя и во всякомъ случаѣ недооцѣненныя въ изложеніи С. I. Гессена) 3). Въ первоначальныхъ конструкціяхъ Коля противорѣчія выступаютъ особенно ярко; въ дальнѣйшемъ развитіи ему удастся въ значительной мѣрѣ отъ нихъ избавиться, однако, окончательной ясности онъ не достигаетъ и здѣсь.

Въ центрѣ затрудненій Коля, заслуги котораго мы ставимъ очень высоко и за которымъ мы во многомъ будемъ слѣдовать въ нашей собственной конст-

---

1) Перемена взглядовъ Коля отражается на измѣненіи устава Лиги! См. ниже стр. 378.

2) «Равновѣсіе между хозяйственной и политической властью, читаемъ мы у Коля, есть основной принципъ гильдеизма» (Self-government in industry, цит. по нѣм. изд. 1920, стр. 134, 135 - 136, 140 - 141; Introduction of Trad. Union, стр. 99). «Конгрессъ гильдій, надѣленный верховной властью, также легко проявилъ бы свои тираническія наклонности..., какъ и абсолютно-суверенное государство, которое не балансируется и не обуздано самоципной хозяйственной организаціей»... «Гильдейскій конгрессъ сталъ бы квази-государствомъ съ тѣмъ только отличіемъ, что онъ оказался бы построеннымъ по индустриальному, а не территориальному принципу» (Self-gov. p. 27 - 28, 264, 31).

3) Срви. въ особ. № 30, стр. 393 - 394.

рукціи соціалізації, стоить проблема собствениости: неудовлетворительное рѣшеніе вопроса о субъектахъ соціалистической собствениости вступаетъ въ противорѣчіе съ основными завоеваніями его мысли.

Кому должна, по Колю, принадлежать въ гильдейскомъ строѣ собствениость на орудія производства? Эта собствениость, говоритъ Коля, не можетъ быть предоставлена гильдейской организаціи, такъ какъ послѣдняя объединяетъ однихъ производителей, которые являясь собствениками орудій производства, могли бы эгоистически эксплуатировать всѣ остальные элементы націи. Потребители имѣютъ такія же права на руководство хозяйственнымъ процессомъ и на собствениость на орудія производства, какъ и производители. Потребленіе и обмѣнъ, къ тому же, и съ чисто объективной стороны, факторъ не менѣе существенный въ экономической жизни, чѣмъ производство, и только взаимное балансированіе ихъ вліянія можетъ привести къ гармонической организаціи хозяйства. Однако изъ этихъ вполне правильныхъ и безспорныхъ положеній Коля дѣлаетъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ довольно неожиданный выводъ: организаціей потребителей является само государство, поэтому привлеченіе потребителей въ качествѣ фактора равноправнаго производителемъ, равносильно предоставленію государству права на участіе въ собствениости на орудія производства и въ руководствѣ хозяйственнымъ процессомъ (см. *Selfgovernment*, 39, 111-112, 120-121, 230; *The Labour in the Commonwealth*, 182 et en. 197, 212). Этой своей мысли Коля иногда даетъ столь рѣзкое выраженіе, что легко можетъ получиться впечатлѣніе, будто онъ попросту предлагаетъ передать цѣликомъ государству собствениость на орудія производства, а гильдіямъ представляетъ лишь право пользованія ими (срвн. *Selfgov.*, стр. 80, 144, 147, 149, 299) и, слѣдовательно, въ этомъ вопросѣ не отличается отъ децентрализаторскаго коллективизма Жореса и др. На дѣлѣ, однако, это далеко не такъ, и концепція Коля сложнѣе. Не нужно забывать, что въ децентрализаторскомъ коллективизмѣ собствениость приписывалась государству, какъ монопольному представителю общаго интереса, въ то время какъ у Коля государство признается собственикомъ лишь въ качествѣ представителя одной стороны интереса потребителя. Съ точки зрѣнія этой концепціи государство столь же мало имѣ-

еть право быть исключительнымъ верховнымъ собственникомъ орудій производства, какъ и гильдіи производителей: только объ эти независимыя другъ отъ друга организации совмѣстно могутъ обладать этимъ правомъ. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, у Коля о сособственности (кондоминатѣ) государства и объединенія гильдій, какъ двухъ разобщенныхъ субъектовъ единой собственности. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ приводитъ въ построеніяхъ Коля такая конструкція социалистической собственности, и, затѣмъ, поставимъ вопросъ мыслима ли она вообще, юридически и фактически.

Государство, какъ представитель интересовъ потребителей и какъ сособственникъ орудій производства, выступить у Коля съ чрезвычайно обширными полномочіями въ области руководства хозяйственнымъ процессомъ: государство участвуетъ на паритетныхъ началахъ съ гильдіями въ таксированіи цѣнъ на продукты, въ контролѣ надъ ихъ качествомъ, въ опредѣленіи размѣровъ капитала необходимаго для cadaго предпріятія, въ выработкѣ общаго плана производства и въ руководствѣ каждой отдѣльной отраслью индустріи (ib. 230 - 232, 111 - 113, 110, 229). По существу, все управленіе хозяйствомъ сосредотачивается, по Колю, въ смѣшанныхъ комиссіяхъ, наполовину составленныхъ изъ представителей государства и на другую половину изъ представителей гильдейско - хозяйственной организации.

Не трудно замѣтить, что при такомъ порядкѣ, даже если бы онъ былъ осуществимъ въ чистомъ видѣ, государство имѣетъ явный и безусловный перевѣсъ надъ гильдейской организаціей. Равновѣсіе, къ которому стремится Коля, здѣсь опредѣленно нарушено въ пользу государства, которое сосредотачиваетъ въ своихъ рукахъ и силу безусловнаго принужденія, и обязательное частичное право собственности на орудія производства, проявляющееся къ тому же въ активномъ соучастіи въ управленіи и пользованіи ими (здѣсь Коля предоставляетъ государству даже большія хозяйственныя полномочія, чѣмъ децентрализаторскій коллективизмъ). Самостоятельное право автономнаго правотворчества, принадлежащее гильдейскому конгрессу, здѣсь мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ оно связываетъ только производителей, но не тѣ смѣшанные паритетные органы, которые по существу заправляютъ хозяйственной жизнью. Положеніе государства и гильдій, со-

вмѣстнo осуществлѣющихъ управленіе хозяйственнымъ процессомъ, здѣсь абсолютно неодинаковое: государство, являясь необходимымъ и обязательнымъ участникомъ фиксированія цѣнъ и выработки общаго хозяйственнаго плана, дѣйствуетъ не какъ частный собственникъ, а какъ субъектъ публично-правовой, монопольной собственности, и его участіе придаетъ соответственнымъ рѣшеніямъ «смѣшанныхъ комиссій» безусловно-принудительный характеръ, возводитъ ихъ въ область мѣропріятій публичнаго права. Въ этой связи гильдейская организація фигурируетъ въ качествѣ частнаго собственника на ряду съ публично-правовымъ—съ государствомъ, неизбѣжно затирается въ области пользованія и владѣнія совмѣстной собственностью на второй планъ.

Здѣсь именно обнаруживается вся логическая противорѣчивость, вся юридическая невозможность такой собственности, въ которой равноправными соучастниками должны являться публично-правовые и частные собственники. А къ этому сводятся всѣ первоначальныя конструкціи Коля въ этой области. Подобная сособственность между государствомъ и гильдейской организаціей сводится по существу къ самой настоящей «*societas leonina*», т. е. всю выгоду отъ такой совмѣстной собственности, если-бы она была возможна, имѣло бы государство; собственность гильдій была бы чисто фиктивной и лишь прикрывала бы публично-правовой характеръ собственности на орудія производства, принадлежащей государству, какъ односложному коллективному лицу.

Къ тому же ни о какой дѣйствительной сособственности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Сособственность предполагаетъ раздѣлъ имущества по первому требованію каждаго собственника, что означало бы въ данномъ случаѣ раздѣлъ частично публично-правовой, т. е. монопольной собственности, на орудія производства по требованію любой гильдіи, т. е. *contradictio in adjecto*. Право требовать такого раздѣла вдобавокъ бы фактически подрывало самую возможность того хозяйственнаго строя, о которомъ говоритъ Коля: малѣйшее столкновеніе между государствомъ и гильдіями или гильдій между собой могло бы приводить къ полному распаденію и раздробленію всего хозяйственнаго цѣлага. Не можетъ быть рѣчи и о соборной собственности между государствомъ и гильдіями

(о которой кстати сказать Коль вовсе не думаетъ 1), такъ какъ подобная собственность предполагаетъ единую общую организацію ея участниковъ, а здѣсь налицо двѣ независимыя организаціи, и къ тому же субъектъ публично-правовой собственности такъ же мало можетъ быть соборнымъ собственникомъ, какъ однимъ изъ ея участниковъ. По существу, первоначальная конструкція Коля такимъ образомъ невольно тяготѣетъ къ коллективизму въ рѣзкомъ противорѣчій съ его основной идеей о взаимномъ балансиrowаніи и равновѣсіи государственной и гильдейской организаціи.

Самъ Коль чувствуетъ, что равновѣсіе, къ которому онъ стремится, подвергается, благодаря его теоріи социалистической собственности, очень серьезной угрозѣ. Единственный выходъ, который онъ видитъ изъ создаваемаго положенія, это ослабленіе формальныхъ полномочій государства. Сохраняя за государствомъ право безусловнаго принужденія, Коль предлагаетъ, однако, лишить его права налагать наказанія, угрожающія личной свободѣ и неприкосновенности (т. е. тюремное заключеніе, каторга, ссылка и т. д.), далѣе, права распоряжаться военной силой и вести международныя сношенія 2). Этимъ крайне утопическимъ и весьма опаснымъ путемъ расшатыванія изнутри силы государства, по существу лишаемаго возможности нормально отправлять свои функціи, Коль тщетно пытается искупить свое невольное возвращеніе къ идеѣ государства - собственника.

Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ (начиная съ предисловія 1919 г. къ *Self-governement* и *Social Theory*, 1920) Коль чрезвычайно ясно осозналъ центральную ошибку своихъ первоначальныхъ конструкцій: отождествленіе государства съ организаціей потребителей 3). Здѣсь ему очень помогла критика представителя другого теченія въ

1) Это тѣмъ болѣе поражаетъ, что поскольку гильдейскія идеи уже реализовались, именно въ строительномъ дѣлѣ гильдіи приняли характеръ артелей, т. е. конституировались на началахъ соборной собственности.

2) Всѣ эти полномочія онъ предлагаетъ передать высшему судебному органу, построенному на паритетныхъ началахъ и призванному разрѣшать конфликты между государствомъ и гильдейской организаціей.

3) Срвн. Предисловіе къ *Selfgovernn.* 1919 г., стр. 1 - 6, 14, 16, 18 19. Самъ Коль признаетъ, что эта ложная позиція была имъ перенята у коллективистовъ (ib. стр. 3).

гильдеизмъ: Гоббсона, который очень правильно указаль Колю: а) что государство имѣеть свою собственную идеальную основу, независимую отъ экономики (spiritual State); б) что стихія гражданина качественно отлична отъ стихии потребителя и, что государство часто выступаетъ, осуществляя свои функціи, противъ интересовъ потребителей, напримѣръ, воспрещая или ограничивая въ интересахъ народнаго здравія потребление спиртныхъ напитковъ, табуку, опиума, всевозможныхъ суррогатовъ и фальсификатовъ (Hobson, Guilds and the State, 1918, стр. 24 и сл., 32 и сл., 105, 108 и сл., 350).

Въ результатъ этой критики, Коль въ своихъ новыхъ произведеніяхъ сталъ различать три разныхъ организаціи: политическую (государство), профессиональную или гильдейскую (vocational) и потребительскую (appetitive: consumers and users). (Social Theory, p. 66 et s.). Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прежде призывалось, въ конструкціи Коля, къ участию въ управленіи хозяйствомъ государство, теперь естественно стали привлекаться самостоятельныя потребительскія организаціи; смѣшанныя комиссіи для назначенія цѣнъ, опредѣленія общаго хозяйственнаго плана и контроля надъ качествомъ продукта должны составляться, по новымъ проектамъ Коля, изъ равнаго числа представителей гильдейской и потребительской организаціи. Въ этой связи, въ 1923 году, по предложенію Коля, былъ даже измѣненъ уставъ «Лиги гильдейскаго социализма», и вмѣсто упоминанія объ совмѣстной хозяйственной дѣятельности гильдій и государства вставлено положеніе о сотрудничествѣ гильдій съ рядомъ общепользныхъ организацій и прежде всего съ объединеніями потребителей. Такимъ образомъ, признаніе государства сособственникомъ орудій производства теряетъ въ зрѣлой системѣ Коля всякое оправданіе. Совмѣстными собственниками должны быть признаны гильдіи и организаціи потребителей. Коль дѣйствительно съ 1919 - 1920 года избѣгаетъ говорить о государствѣ, какъ собственникъ орудій производства, однако окончательной опредѣленности въ вопросъ о субъектахъ социалистической собственности онъ не внесъ 1).

Объясняется это тѣмъ, что Коль не рѣшился объединить въ одной общей хозяйственной организаціи произ-

1) Это справедливо отмѣчаетъ и С. I. Гессенъ, Совр. Зап. № 31, стр. 331 и сл.

водителей и потребителей и, съ другой стороны, построилъ чрезвычайно искусственный и запутанный планъ самостоятельной организаціи послѣднихъ. Федерация потребителей должна согласно этому плану распадаться на 4 основныя группы: 1) домашнее хозяйство и личное потребление; 2) кліентура крупной индустріи; 3) мѣстные и региональные интересы (пользователи водоснабженія, освѣщенія, отопленія, мѣстныхъ дорогъ, школь и больницъ); 4) общенациональные потребительскіе интересы (первымъ дѣломъ желѣзный и морской транспортъ, просвѣщеніе и др.). Первыя двѣ группы, по Колю, объединяются въ конгрессъ потребительныхъ кооперативовъ, а послѣдующія двѣ, частично входящія въ составъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, объединяются въ рядъ спеціальныхъ конгрессовъ «пользователей»: а) конгрессъ народнаго просвѣщенія, б) конгрессъ соціального обезпеченія, с) санитарно-гигіенической и жилищный конгрессъ и др. Всѣ эти конгрессы совмѣстно объединяются въ общій парламентъ потребителей и пользователей, дѣйствующій самостоятельно рядомъ съ государственнымъ парламентомъ и гильдейскимъ конгрессомъ (см. предислов. къ *Selfgovernment*. 1919 г., стр. 9 - 19).

Не трудно замѣтить, что въ этомъ проектѣ прежде всего искусственно объединяются во - едино, съ одной стороны, дѣйствительные потребители хозяйственныхъ предпріятій, съ другой, пользователи публично - правовыхъ службъ (напр., школь и больницъ), не имѣющихъ прямого отношенія къ хозяйственной жизни и составляющихъ функцію государства или органовъ мѣстнаго самоуправления. Не менѣе искусствененъ отрывъ двухъ первыхъ категорій потребителей, образующихъ кооперативы, отъ гильдейской организаціи. И гильдіи производителей и кооперативы потребителей осуществляютъ экономическую функцію, и ихъ полное отдѣленіе другъ отъ друга совершенно противоестественно. Къ тому же потребители, не участвующіе непосредственно въ руководствѣ предпріятіемъ и контролѣ надъ производствомъ, являются очень проблематической силой и вся ихъ организація виситъ въ воздухѣ. Только поскольку вся организація хозяйства и з в н у т р и, въ каждой своей отдѣльной ячейкѣ, будетъ построена на началахъ п а р и т е т а между производителями и потребителями, потребители дѣйствительно въ состояніи будутъ обуздывать эгоистическій ин-

тересъ производителей, не порабощая ихъ въ свою очередь собственнымъ вождельніямъ. Въмѣсто предлагаемой Колемъ тройной организаціи государства, гильдій и потребителей нужна двойная организація: политическая, снабженная всѣми необходимыми полномочіями для осуществленія безусловнаго принужденія и единая хозяйственная, включающая на равныхъ началахъ внутрь себя синдикаты производителей и кооперативы потребителей и являющаяся соборнымъ собственникомъ орудій производства, соучастниками которой одинаково состоятъ всѣ синдикаты и кооперативы и всѣ ихъ объединенія мѣстные и центральныя и каждый ихъ индивидуальный сочленъ въ отдѣльности, но не государство, поскольку оно фигурируетъ, какъ носитель публичной власти. До этой идеи Коля, къ сожалѣнію, не дошелъ въ своихъ конструкціяхъ, хотя несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ болѣе всѣхъ другихъ современныхъ социалистовъ ее подготовилъ и проложилъ къ ней путь.

Замѣтимъ въ заключеніе, что новѣйшіе проекты послѣ-военнаго конструктивнаго синдикализма во Франціи, чрезвычайно близкіе основнымъ идеямъ гильдейскаго социализма въ интерпретаціи Коля, выгодно отличаются отъ послѣдняго въ томъ отношеніи, что настойчиво включают потребителей на равныхъ основахъ съ производителями во всѣ ячейки и органы единой хозяйственной организаціи (отъ «conseil de l'usine» вплоть до «conseil de direction» цѣлой отрасли индустріи и «Центрального совѣта труда»), противопоставленной государству, но представляющей «общій экономическій интересъ» націи. (Срвн. La C. G. T. et le mouvement syndicaliste, 1925, 186 - 188) 1). Однако и въ этихъ конструкціяхъ, теоретически впрочемъ, мало разработанныхъ 2), вопросъ о субъектахъ социалистической собственности остается не уясненнымъ. Правда Ліонская резолюція 1919 года опредѣленно заявляетъ, что «par la nationalisation nous entendons confier la propriété aux intéressés eux-mêmes, producteurs et consommateurs réunis» (цит. у Жуо, Le Syndicalisme et la C. G. T. 1920, стр. 238), слѣдовательно, признаетъ соборнымъ субъек-

1) «Représentation de toutes les compétences: production et consommation assemblées et harmonieuses, leur action dominée par les directions de l'intérêt général».

2) См. подробности въ моей статьѣ: «Новѣйшая эволюція въ идеологіи французскаго синдикализма», Совр. Зап. № 24, стр. 419 и сл.

томъ собственности самостоятельную хозяйственную организацию, а не государство. Однако въ большинствѣ другихъ формулировокъ говорится о передачѣ собственности на орудія производства «подъ верховный контроль государства» и лишь въ непосредственное управление заинтересованныхъ, и государство привлекается на равныхъ началахъ съ потребителями и производителями въ центральную дирекцію каждой отрасли индустрии (Жуо, *op. cit.* стр. 208, 210; *La C. G. T. et le mouvement syndical*, стр. 187 и сл.); такимъ образомъ, создается впечатлѣніе, что конструктивный синдикализмъ все же признаетъ реабилитированное имъ для нехозяйственныхъ функций государство верховнымъ собственникомъ орудій производства.

Эта неопредѣленность позиціи легко объясняется тѣмъ, что проекты «nationalisation industrialisée» 1), выработанные Всеобщ. Конф. Труда, по существу имѣли въ виду лишь реорганизацию такъ называемыхъ публичныхъ службъ (*services publics*), какъ то, почты и телеграфа, транспорта, угольныхъ копей, водоснабженія, электрическаго освѣщенія и газа и т. д. 2). Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что по отношенію къ публичнымъ службамъ, преслѣдующимъ не столько чисто-хозяйственные, сколько общепользныя цѣли и частично уже сейчасъ входящимъ въ составъ государственной организациі (напр., почта и телеграфъ, телефонъ, транспортъ) или органовъ мѣстнаго самоуправленія (электричество, газъ, водоснабженіе), государство является максимально заинтересованной стороной и естественнымъ собственникомъ соответственныхъ орудій производства (непосредственнымъ и черезъ посредство муниципалитетовъ и коммунъ): безъ правильнаго функціонированія ряда такихъ службъ государство вообще не можетъ существовать какъ самостоятельная организациа. Публичныя службы, какъ бы ихъ ни реорганизовывать и какую бы имъ широкую автономію ни предоставлять, немыслимы внѣ публично-правовой собственности государства. Но все дѣло именно въ томъ, чтобы ясно отграничить обобществленіе публичныхъ службъ, составляющее внутри-государственную проблему, отъ социализациі чисто-хозяйственныхъ предприятий, един-

1) Срвн. объ этомъ понятіи, *ib.* стр. 422 и сл.

2) Срвн. опредѣленное заявленіе объ этомъ въ Progr. Мин. Синд. 1927 г. «Atelier», № 53, 1928 г. стр. 349 - 350.

ственно представляющихъ независимое отъ государства экономическое общество. Здѣсь необходимо абсолютно другое рѣшеніе, чѣмъ по отношенію къ публичнымъ службамъ. И это рѣшеніе не можетъ не заключаться въ передачу соборной собственности на орудія производства независимой хозяйственной организаціи, представляющей обще-національный экономическій интересъ и контръ-балансирующій безусловно - принудительную государственную власть. Слишкомъ большая сосредоточенность на чисто практическихъ проблемахъ (практически въ рамкахъ буржуазно-капиталистической системы вообще можетъ идти рѣчь только объ обобществленіи публичныхъ службъ) не позволила конструктивному синдикализму отчетливо провести это важнѣйшее и серьезнѣйшее различіе между социализаціей хозяйства и социализаціей публичныхъ службъ, различіе вытекающее изъ его собственныхъ предпосылокъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ наброску нашего собственного пониманія социализма на основахъ распространенной на цѣлокупное хозяйство соборной собственности, противопоставленной государству, намъ необходимо еще остановиться на критическомъ разборѣ теоріи «правового социализма» С. І. Гессена, данной въ № № 27 - 31 «Совр. Записокъ».

Этотъ разборъ, какъ и схему нашего положительнаго построенія, мы вынуждены отложить до слѣдующей статьи, которую предполагаемъ дать въ ближайшей же книгѣ журнала.

Г. Д. Гурвичъ.